

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С38

Синицын, Алексей.

С38 Машина пространства / Алексей Синицын. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Городская проза).

978-5-17-116283-2

Журналист Горгий Пеликанов отправляется в вологодскую глушь, чтобы отыскать легендарный Заповедник, о котором ходят самые невероятные и противоречивые слухи, а в результате... оказывается в затерянном городе — мистическом Вавилоне Русского Севера, исчезнувшем с географических карт сто лет тому назад.

Что ждёт его там? Сможет ли он выбраться из своего «вавилонского плена»?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

978-5-17-116283-2

© Текст. Алексей Синицын, 2019
© Оформление ООО. «Издательство АСТ»

В воскресенье на Ярославском было немногочисленно. Заходя в здание вокзала, Жора Пеликанов слышал долетающие из глубины приглушенные звуки рояля. Неприметный мужчина средних лет в белой концертной рубашке с большим чувством исполнял тему из «Бандитского Петербурга». Два десятка человек слушали его, уткнувшись в смартфоны. Пока Жора в цифровом камуфляже Marine Pattern с высоким станковым рюкзаком за плечами пересекал зал, концертмейстер успел покончить с лейтмотивом питерской криминальной драмы и заиграл гимн Москвы. Этот внезапный переход Жора счел по-своему логичным. В прошлый раз, когда он уезжал в Кострому на очередной юбилей драматурга Островского здесь всю распевал хор студентов Гнесинки.

На темно-синем перронном асфальте валялось множество бутылочных крышек. Прохаживаясь возле путей с истертыми, лоснящимися рельсами, Пеликанов недоумевал, откуда их столько взялось. Ему казалось, что такими давным-давно уже не пользуются. Издали они напоминали россыпь старинных монет, но при ближайшем рассмотрении производили ностальгически удручающий эффект узнавания. Лет тридцать тому назад ими могли закупоривать бутылки с лимонадом или пивом «Жигулевское». Пеликанов наклонился и, подобрав одну, стал внимательно рассматривать. Крышка оказалась норовистой и острозубой, как пиранья.

До отправления поезда оставалось чуть менее получаса. Сделав еще с полсотни шагов по перрону, он вспомнил, что нужно позвонить Рите. Жора знал, что по выходным Рита любит отсыпаться, но догадывался, что теперь она не берет трубку не потому, что спит, а потому, что все еще на него сердится. Насчитав десять или одиннадцать гудков, он сбросил вызов.

Ветер гнал по небу дымные серые тучи, в которых теялся шпиль соседнего Ленинградского вокзала. Пеликанову захотелось раствориться, исчезнуть в сыром осеннем воздухе, но как это сделать — он не знал.

О Заповеднике ходили разные слухи. В среде либеральной интеллигенции поговаривали о том, что Путин разводит там специальных медведей-оборотней. Якобы верхом на одном из них он и был запечатлен личным кремлевским фотографом в августе две тысячи четырнадцатого года. То, что Президент России (способный, по утверждению Божены Рынски, и сам на некоторое время превращаться в тощего плешивого медведя) восседал на североамериканском гризли, преодолевающим вброд одну из сибирских рек, в расчет не принималось. Как и то, что скакать на медведе без седла было в высшей степени затруднительно.

Представители умеренной оппозиции видели в нашумевшем изображении карикатурно-символический смысл с подтекстом, отсылающим к синоптическим Евангелиям: дескать, на свои очередные два срока Путин въехал в Кремль верхом на Медведеве. Выходило, что-то вроде издевательского месседжа, посылаемого властью гражданскому обществу в жанре грубоватого уголовного юмора.

Пеликанов, как опытный журналист, во всю эту чушь с медведями-оборотнями не верил. О Заповеднике он,

разумеется, слышал, но считал, что все это не заслуживает внимания, так как является или откровенным гнусным вымыслом, или обладает характерными чертами убогой народной фантазии.

Однако, едва переступив порог кабинета главреда Сизифского, Жора понял, что тот был иного мнения.

— На пустом месте ничего не происходит, и дыма без огня не бывает, — наставительно изрек Сизифский. — Общественный интерес может ошибаться в частностях, но в главном он всегда прав. Если что-то заслуживает его внимания, значит, в этом что-то есть. Не может не быть. На том стоим.

— Дыма не бывает, а вони — сколько угодно, — заметил Пеликанов, сидя в кабинете главреда на совещательном стуле.

— Вот ты поезжай и разберись на месте, освети, так сказать. Проведи журналистское расследование. Но для начала найди кончик веревочки, откуда тема выскочила. Что мне, учить тебя, как маленького? — сказал Сизифский.

— Будто вы не знаете, Леонид Максимович, откуда все темы выскакивают, а потом эхом на берегах Клязьмы отдаются.

— Не упрощай, Пеликанов. Разберешься — хорошо, не разберешься — еще лучше. Напишешь, что обнаружил в вологодских лесах мистическое сердце России. — Сизифский ядовито улыбнулся. — Туризм по Золотому кольцу надо развивать? Глядишь, подтянем к себе рекламу внутренних туроператоров.

Зайдя Жоре за спину, он ободряюще встряхнул его за плечи, отчего Пеликанов вздрогнул:

— Леонид Максимович.

— Что?

— Почему, если в какое-то унылое говнище ехать, всегда Пеликанов?

— Не ропщи, Жора. Ты еще не знаешь, что такое настоящее унылое говнище. Я в Кабуле два года фронтовым корреспондентом оттарабанил. Там знаешь, какое единственное развлечение вечерами было? Берешь два автоматных рожка... Ладно, не доводи до греха, иди с богом. — Сизифский вяло махнул рукой в направлении двери.

К действительности его вернул голос из репродуктора, объявляющий посадку на поезд Москва — Архангельск. Жора не стал снова надевать рюкзак, а поволок его за собой на колесиках в сторону платформы.

Распахнутые купе неспешно заполнялись шелестом плащей, скрипом кожаных курток и возбужденными голосами. Пеликанов терпеливо ждал, стоя на красной ковровой дорожке в узком проходе, наблюдая за багажной возней. Кто-то в дальнем конце вагона с силой грохнул нижней полкой. Внезапно заплакал ребенок. Женщина в лиловом берете, стоявшая впереди, вдруг что-то вспомнив, с решительностью торпеды ринулась обратно к выходу, сметая все на своем пути.

Вскоре Пеликанову удалось бочком внедриться в пустующую нишу номер восемь, встретившую его запахом чистого накрахмаленного белья и приглушенной музыкой радио.

То, что он прибыл на место первым, давало шанс успеть быстро достать умывальные принадлежности и переодеться. Свое Military, приобретенное по случаю в военторге на 1-й Владимирской улице, он считал чем-то вроде карнавального костюма, временным маскировочным

облачением. Ничего военного Жора не любил. Но теперь оно ему пригodiлось.

Пеликанов на несколько секунд застопорился взглядом на своей механической зубной щетке, похожей на маленькую зловещую машинку для чистки обуви. Через каких-нибудь три-четыре минуты он уже сидел возле окошка в старых домашних джинсах и черной водолазке, элегически подперев кулаком подбородок. По ту сторону мутновато-серого стекла ворона сосредоточенно терзала мякоть кунжутной булки. Мимо вороны размашисто промаршировал носильщик с гремучей тележкой. В этот момент поезд тронулся.

Едва Жора успел подумать, что до самой Вологды поедет один, как на пороге купе возник бледный, запыхавшийся человек с торчащим ежиком коротких светлых волос и недвусмысленным профессорским портфелем. Пеликанов секунду раздумывал, рад он или нет в последний момент объявившемуся попутчику. Решил, что это выяснится позднее. Человек с портфелем, по всей видимости, угадал его мысли.

— Это как гол на последних секундах овертайма, верно? — не без ехидства спросил он.

Пеликанов не стал делать вид, что не понял.

— Да, есть что-то общее. Но тут ведь все зависит от того, за какую команду болеешь. — Жора улыбнулся, смирившись с тем, что теперь ему какое-то время предстоит быть приятным собеседником.

— Иван Михайлович Зайцев. — Незнакомец протянул ему для рукопожатия неожиданно большую ладонь.

— Горгий Павлович Пеликанов.

— Редкое греческое имя, — оценил Иван Михайлович, взгромождая портфель на верхнюю полку.

Пеликанов давно привык, что люди совершали глупейшую ошибку, подозревая его в неправильном или нечетком произнесении своего имени. «Профессор», очевидно, доверял слуху, а паче того собственной эрудиции, за что и получил от Пеликанова уверенный мысленный зачет:

— На отца что-то внезапно нашло. Но друзья все равно называют меня «Жора», — коротко пояснил он.

— Понятно, понятно, — улыбнулся Зайцев, усаживаясь напротив.

Жора заметил, что его выпуклые глаза слегка косили в разные стороны, поэтому было трудно определить, на чем именно он фокусирует внимание.

— Далеко путь держите? — спросил Зайцев, сняв с себя дорожную гладкую кожанку и вполне освоившись.

— Билет у меня до Вологды, а дальше на перекладных, как придется, — неопределенно пояснил Жора, с силой надавливая ногтем на апельсиновую кожуру.

Про то, что едет в Заповедник, рассказывать не хотелось. Как любил говаривать ушлый Сизифский, чем меньше о тебе знают, тем дольше ты живешь.

— Не в Кириллов, часом?

— Тут такое дело, я и сам не до конца знаю, — усмехнулся Пеликанов.

— Как так? — удивился Зайцев.

— Да вот так. В Вологде обещали встретить и завезти в непролазную глушь.

Иван Михайлович покосился на его морпеховский камуфляж, скромно висящий на крючке.

— На охотника вы вроде не похожи, на любителя рыбалки тоже, — вслух рассудил он, смеривая Пеликанова взглядом опытного портного.

— Я журналист. Хотите? — Жора протянул ему половинку своего цитруса, надеясь отвлечь интерес профессора от собственной персоны.

— Благодарствую. — Зайцев едва заметно грассировал. — Значит, куда пошлют?

— Посылают нашего брата все больше в одно и то же место, — натужно сострил Пеликанов, разжевывая брызжущую во все стороны апельсиновую мякоть.

— А я в Архангельск, к дочери. — Профессор отчески вздохнул и стал в задумчивости двигать челюстью.

«С таким-то портфелем?»

— Она просила для ее студентов несколько лекций прочитать, — снова, будто угадав его мысли, поспешил объяснить Зайцев.

Жоре стало немного не по себе, он решил, что с профессором нужно держать ухо востро.

— Преподаете, Иван Михайлович?

— Угу. Есть немного.

Жора почувствовал, что за его слегка развязным ответом скрывается ощущение собственной значимости.

— Я тоже немного на журфаке преподавал, по приглашению, — вяло откликнулся Пеликанов, ввинчивая взгляд в унылый осенний пейзаж за окном с почти оголившимися деревьями и мрачно дымящими на горизонте трубами.

Октябрь начал несмело набрасывать на стекло редкие капли дождя. Наступившее молчание прервала проводница, резко рванувшая купейную дверь, так что вздрогнул и завибрировал никелированный замок.

Вологда? Очень хорошо. Не беспокойтесь, я вас разбужу. Архангельск? Еще лучше. Чаю желаете? Есть кофе. Нет, только капучино. Не курите? Если курите, окурки на пути не бросайте, а то начальник поезда ругается.

Пока она говорила, Пеликанов с животноводческим интересом наблюдал за ее тонким почти детским предплечьем, покрытым легким светлым пушком, потом спросил, в какой стороне находится вагон-ресторан. Спросил просто так, на всякий случай, рассчитывая понаблюдать за тем, как из ее небольшого рта, окаймленного тонкими, почти бесцветными губами, будут сыпаться слова. Оказалось, всего через два вагона, по пути следования, близко.

— Много не пейте, а то я вас не разбужу, — сказала она, быстро взглянув на Пеликанова. В голосе проводницы слышалась искренняя забота, помноженная на многолетний профессиональный опыт. Ее маленькое лицо с заостренным подбородком и живыми, четко подведенными глазами излучало крысиное участие.

— Командировочные? Билеты нужны? Если будет дуть, опустите шторку.

В своем стремительном речитативе она еще упомянула титан и туалетную бумагу.

— Знаете что, если вы не против, Горгий Павлович, я вас тоже угощу, — предложил Зайцев, после того как щуплая словоохотливая проводница уткнулась в коридор.

Не дожидаясь ответа, он отер пальцы носовым платком и ловко извлек из своего профессорского портфеля бутылку виски Jack Daniel's, которую и предъявил Пеликанову, держа двумя руками, как артиллерийский снаряд:

— А? Если вы не возражаете.

Пеликанов старался не пить в дороге, мало ли что. Но профессору отказывать отчего-то счел неудобным. Да и не пялиться же дотемна в окно.

— С меня закуска, раз такое дело. — Жора, кряхтя, полез в рюкзак и достал оттуда заблаговременно порезанную на кружочки колбасу и еще теплую курицу гриль,

истекающую в мятую фольгу удушливым темно-коричневым соком.

Минут через пятнадцать он уже перестал замечать стук колес. А после вторых пятидесяти профессор стал рассказывать о себе и вовсе удивительные вещи.

Оказалось, что Иван Михайлович Зайцев, росший в семье потомственных московских интеллигентов-естественников в четвертом поколении, с юности был захвачен страстью ко всяческим оккультным наукам.

Все началось с находки, неожиданно сделанной им в отцовской библиотеке.

Это было еще дореволюционное, прижизненное издание Папюса, 1911 года. Открыв книгу из любопытства, Ваня Зайцев прочел ее всю в один присест тут же, не отходя от книжного шкафа. А на следующий день свалился в постель с высокой температурой, то ли от простуды, полученной в результате долгого стояния на сквозняке, то ли от потрясения прочитанным. Так как ничего подобного среди отцовских книг больше не находилось (по всей видимости, Папюс достался отцу случайно, в наследство от бабки, воспитанницы Смольного института благородных девиц), Зайцев стал регулярно после школы ошиваться возле букинистического магазина на Трубной, рассчитывая выйти на нелегалов, торгующих редкой и запрещенной литературой.

Вскоре, как ни странно, ему это удалось. Странно потому, что на тот момент Зайцеву едва исполнилось четырнадцать. Да и к выводу о том, что такие люди должны существовать и крутятся они именно возле букинистических магазинов, он пришел чисто умозрительно. Священную каббалистическую книгу «Зоар» в русском переводе Зайцев лихо выменял на привезенный отцом

из Англии двойной виниловый альбом «The Dark Side of the Moon».

В шестнадцать, по собственному признанию, он уже устраивал дома подпольные спиритические сеансы, делал нумерологические расчеты, составлял натальные карты и ставил алхимические опыты, выдавая их за страстное увлечение фотографией. Денег на покупку новых книг ему теперь хватало, да и не только. Еще через год Ваня Зайцев, слывший к тому времени в кругах доморощенных столичных эзотериков юным дарованием, организовал из своих знакомых тайное общество последователей Гермеса Трисмегиста с далеко идущими планами мистического переустройства всей политической системы Железной империи, озаряемой сквозь грозы негаснущим солнцем свободы.

— Все закончилось, как и следовало ожидать, — подвел итог своим юношеским поискам мистического и трансцендентного Иван Михайлович.

— Вас сожгли на костре? — пошутил Пеликанов, вспомнив о давнем поклоннике Трисмегиста — Джордано Бруно.

— Нет, гораздо прозаичней, — хмыкнул Зайцев. — Кто-то из своих же настучал куда следует, и нашу шарашкину контору быстро прикрыли. Хорошо еще, что все члены тайного общества на тот момент были несовершеннолетними, а то бы такую статью припаяли. Отца, правда, тогда вызвали в комитет для беседы. — Иван Михайлович флегматично почесал голову, припоминая. — Сказали, что если он сам быстро мне мозги не вправит, то они сделают все, чтобы убрать его с должности заведующего кафедрой в университете. Меня грозились исключить из комсомола, а это, знаете ли, в те времена

ставило крест на перспективе получения высшего образования, что в глазах моих родителей было равносильно гражданской казни. — Зайцев, оставаясь бесстрастен лицом, обнажил свои ровные, мелкие зубы.

— И что отец?

— Умер.

— Умер?! —

— Вскоре после того разговора скоропостижно скончался в вагоне метро. Обширный инфаркт, — буднично констатировал профессор.

— М-да... — Пеликанов сочувственно покачал головой. — Надо же.

Иван Михайлович стал разливать по третьей, которую выпили молча, не чокаясь.

— И что было дальше? — Жора, отломив кусочек от куриного бока белого мяса со шкуркой, пытался разгадать запах специй.

— Дальше я понял, что впредь нужно быть умнее, то есть заниматься оккультизмом и магией в одиночку. И потом, я решил, что связь с миром мертвых следует устанавливать на вполне научной основе.

— Вы не перестаете удивлять меня, Иван Михайлович, — искренне восхитился Пеликанов. Он еще раз оглядел профессора. Даром что пятнадцать лет в журналистике, кого только не видел, а про него — никогда бы не подумал.

— Пустяки, — отмахнулся Зайцев. — Вы слышали что-нибудь о морталогии?

— Пожалуй, нет. А что это?

— Наука о смерти.

— Ого! — Пеликанов потянулся за салфеткой.

— Изначально она была чем-то вроде маргинальной части антропологии, касающейся изучения поминальных